

**«Поэтика философии»,
или *Анти-Хайдеггер* Анри Мешонника**

Э. А. Дейнека

УНИВЕРСИТЕТ ПАРИЖ 8 ВИНСЕНН – СЕН-ДЕНИ

Аннотация. Статья посвящена анализу причин критического отношения французского лингвиста, мыслителя и поэта Анри Мешонника к философскому и поэтическому наследию Мартина Хайдеггера. Концептуальные возражения против философии языка последнего, изложенные французским поэтиком и переводчиком в книге «Язык Хайдеггера» («Le langage Heidegger», 1990), рассмотрены в контексте всего его учения в целом, включая личные мировоззренческие установки, биографические обстоятельства и связь с другими ключевыми положениями сформулированной им системы представлений о языке, поэзии, литературе и способах осмысления индивидуального и общественного бытия человека в конкретных условиях историко-культурной реальности. Показана природа глубинных противоречий этического и идейного характера, лежащая в основе принципиальной несовместимости философско-поэтических дискурсов немецкого философа-поэта и французского поэта-мыслителя.

Ключевые слова: Анри Мешонник, Мартин Хайдеггер, философия языка, поэтика, философский дискурс, поэтический дискурс.

УДК 81:1

Дейнека Э. А. «Поэтика философии», или *Анти-Хайдеггер* Анри Мешонника // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 287–302.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 2
© Э. А. Дейнека, 2017

Контактная информация: Дейнека Эвелина Александровна, кандидат медицинских наук, докторант (докторантура «Практики и теории смысла», специальность «Французские языки и литературы») Университета Париж 8 Винсенн – Сен-Дени, врач-нейрохирург, нейрофизиолог, сомнолог (ул. Де ла Либерте, 2, Сен-Дени, 93526, Франция, edeyneka@laposte.net)

pour partager
le plaisir
de penser le langage
à partir du poème

H. Meschonnic

Антону Новожилу

От кантовской критики к критике посткантовской онтологии

Анри Мешонник (1932–2009) относится к той редкой категории мыслителей, которым удалось не превратиться в философов ни при жизни, ни после смерти. Действительно, представить А. Мешонника в роли философа было бы не только преступлением против его собственной воли, но и существенным искажением смысла всего его учения.

Тем не менее нельзя не признать, что этот великий Сократ наших дней не лишен того же лукавства, что и его древнегреческий предшественник. С той лишь разницей, что его «майевтика» носит иное название, коннотативно (и даже эксплицитно) связанное с именем и терминологией другого величайшего философа, Иммануила Канта, и понимается автором «Критики ритма» [Meschonnic, 1982], хоть и с определенными оговорками, в смысле, весьма близком к кантовскому. А именно – как выяснение «условий возможности существования и познания», и даже более того, как установление условий возможности осуществления *критики* «условий возможности существования и познания»: «La critique est soumise aux critiques, puisqu'elle ne commence que comme un examen “de sa possibilité et de ses limites en général”¹» [Ibid., p. 21].

¹ Критика подлежит критике, поскольку она и начинается не иначе, как исследование «своей возможности и своих пределов вообще» (здесь и далее перевод с французского наш. – Э. Д.). – Kant, *Critique de la faculté de juger*, préface de la 1ère édition (1790), Vrin, p. 17.

Ключевая же оговорка, которую при этом делает Мешонник, связана с одной из центральных идей его учения, выраженной, согласно авторской терминологии, в концепте *ИСТОРИЧНОСТЬ* и нашедшей отражение во второй части заглавия «Критики ритма» – «Историческая антропология языка»: «Mais la critique ne peut plus se faire sur des possibilités et des limites “en général”. Ses possibilités, ses limites sont situées, historiques non seulement par leur date, mais par leur condition de fonctionnement»² [Meschonnic, 1982, p. 21]. Именно поэтому, несмотря на открытое использование термина *критика* в специфически кантовском его понимании, Мешонник настаивает на том, что свою *критику* он основывает «после, вне и против Канта»³.

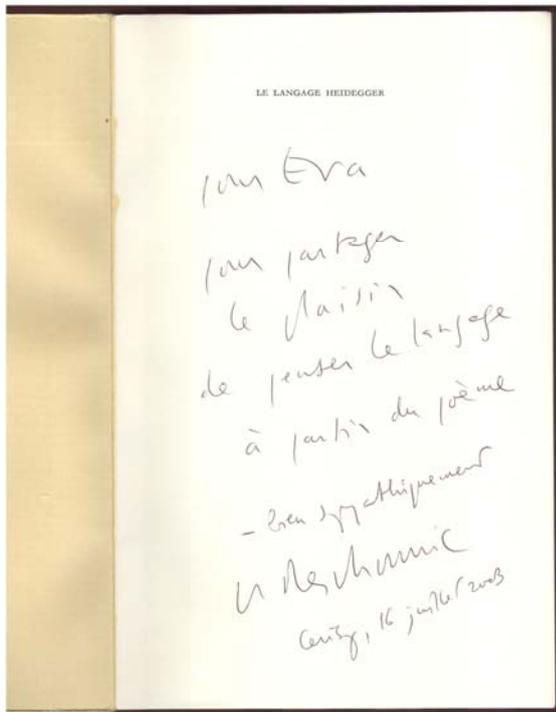
Что же касается вышеупомянутого майевтического лукавства Мешонника, то оно имеет в данном контексте два аспекта. Во-первых, подобно Сократу, притворявшемуся простаком с целью привести собеседника к нужным умозаключениям в ходе его же рассуждений, Мешонник нарочито отмежевывается от философии в целом именно в силу того, что таким образом он, на самом деле, осуществляет утверждение своей собственной философской системы, принципиально отличной от всех критикуемых им школ и направлений.

Действительно, если окинуть единым взглядом совокупность его обширного многотомного наследия, то становится очевидной грандиозность его псевдоантифилософского проекта, включавшего разработку целого ряда (если не всех) традиционных разделов философского знания. Так, в работах Мешонника можно явственно идентифицировать как минимум такие направления, как философия языка, эстетика и философия искусства (именуемые им *поэтикой*), философия религии (разрабатывавшаяся им преимущественно на материале иудаизма и христианства⁴), философия

² Но критика не может больше осуществляться над возможностями и пределами «вообще». Ее возможности, ее пределы ситуированы, будучи исторически обусловлены не только своей датировкой, но и своим функциональным состоянием.

³ «L’une des nécessités actuelles de la critique du rythme est de se fonder après, hors de et contre Kant» [Meschonnic, 1982, p. 21] – Одной из актуальных потребностей критики ритма является необходимость утвердиться после, вне и против Канта.

⁴ Являясь автором поэтического перевода древнееврейской Библии, с одной стороны, и поэтом, издавшим несколько сборников собственных стихотворений, в которых зачастую заметно сильное влияние образов и логики библейских текстов, с другой стороны, А. Мешонник развил оригинальную, нерелигиозную, критико-геологическую концепцию – своеобразную светскую «поэтику священного», или «поэтику отношения к божественному» (*poétique du sacré, poétique du rapport au divin*), – принципиально отличную от ортодоксальных взглядов, как христианской, «эллинизированной», так и исконной раввинистической традиции, интерпретации Священного Писания (см., в частности, главы книги «Поэтика перевода»: «Traduire le sacré ou traduire le rapport au divin» и «Traduire, c’est retraduire – la Bible» [Meschonnic, 1999, p. 427–444]).

Автограф
Анри Мешонника

политики и социальная философия (развивавшиеся Мешонником в русле философско-лингвистической и филолого-литературоведческой критики идеологически ангажированных дискурсов), критика структурализма, герменевтики, феноменологии, постмодернизма и других философских концепций современности.

Во-вторых, аналогично приведенному примеру с неоднозначным заимствованием понятия *критика* у Канта, тексты французского поэта, вопреки заявленной им неприязни к философии, изобилуют обращениями к учениям самых разнообразных философов от Античности и Средневековья до Нового времени и современности – Платона, Аристотеля, Спинозы, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса, Гуссерля, Витгенштейна, Адорно, Фуко, Дерриды, Делёза и мн. др. Однако среди длинной вереницы громких имен, практически рефреном на протяжении всех сочинений у Мешонника проходит, как ни странно, Мартин Хайдеггер – непримиримый воображаемый оппонент и излюбленный предмет критического анализа.

Почему же Анри Мешонник не желает ничего общего иметь с философией? И в чем причина такой парадоксальной привязанности одного поэта-антифилософа к другому философу-поэту? Цель настоящей статьи – попытаться найти ответы на эти два вопроса.

**Неразделенное «удовольствие мыслить язык
исходя из поэмы»**

Эти два вопроса, в общетеоретическом отношении представляющие интерес как с точки зрения истории философских учений, так и в контексте проблем эстетики и философии языка, для меня оказались тесно связаны с третьим, глубоко личным, вопросом: почему в момент нашего знакомства с Анри Мешонником на конференции в Серизи-ля-Салль (Нижняя Нормандия), летом 2003 г., посвященной его творчеству и отчасти (с опозданием на год) приуроченной к его семидесятилетию юбилею, из всех представленных в перерыве книг он любезно выбрал мне в подарок именно свою скандально известную (из-за неоднозначной трактовки отношения Хайдеггера к фашизму и жесткой критики рецепции его философских идей во Франции) работу 1990 года «Le langage Heidegger» [Meschonnic, 1990]?

Пытаясь ответить себе на данный вопрос, вновь читаю автограф, оставленный Анри Мешонником на переднем форзаце указанной книги (его фрагмент также вынесен мной в эпиграф настоящей статьи) – вот его печатная транскрипция:

pour Eva
pour partager
le plaisir
de penser le langage
à partir du poème

– bien sympathiquement
H Meschonnic
Cerisy, 16 juillet 2003 ⁵

В русском переводе эта дарственная надпись во многом утрачивает свою поэтико-концептуальную емкость. Тогда как на французском языке, в оригинальном написании и звучании, она оказывается не только напрямую связана с содержанием доклада юбиляра на указанной конференции:

⁵ Эве
чтобы разделить
удовольствие
мыслить язык
исходя из поэмы
– с симпатией
А Мешонник
Серизи, 16 июля 2003

«Да, что значит мыслить?»), или дословно: «Да, что зовется мышлением?»⁶ [Meschonnic, 2005a], – но и служит, в сочетании с подаренной книгой, скрытым полуироничным ответом (одновременно и словесно-логическим, и наглядно-действенным) на заданный мной во время обсуждения доклада вопрос: *Если критика, по Вашему определению, не является полемикой, но при этом, тем не менее, подспудно постулирует истинность определенных частных (не «эссенциализированных», согласно Вашей терминологии) убеждений, то как возможно, чтобы критика оказывалась всегда критичной по отношению к самой себе, как Вы это утверждаете?*

Формальный ответ Анри Мешонника на этот вопрос был более чем догматичным: *Да, критика всегда критична, в том числе по отношению к самой себе, потому что критика – это и есть мышление, а мышление всегда диалектично и, в силу своей диалектичности, критично в отношении самого себя.* Собственно, если задаться целью резюмировать одной фразой основную идею доклада (а впоследствии и статьи [Meschonnic, 2005a]), прочитанного А. Мешонником на конференции как бы в продолжение дискуссии, начатой М. Хайдеггером, о том, «что значит мыслить», то этот ответ и будет повтором квинтэссенции уже изложенных в докладе положений.

Но автор концепции «однородности жизни и высказывания» («homogénéité du vivre et du dire») покривил бы душой, если бы тут же не *сделал* того, о чем только что *говорил*. Его подарок – книга «Le langage Heidegger» (в переводе заглавия возможна игра слов: *Язык Хайдеггера* или *Язык-Хайдеггер*) – стал в указанном контексте развернутым дополнением к ответу на вопрос, заданный мной в связи с его докладом. При этом главная составляющая ответа заключена именно в дарственной надписи.

Последняя представляет собой и особый интерсубъективный жест – персонализированную, снабженную модальными характеристиками индивидуализацию только что данного обезличенного ответа, ситуированную в «здесь и сейчас» сиюминутного диалога «я – ты», как сказал бы Э. Бенвенист (маркеры: «pour Eva», «– bien sympathiquement», «H. Meschonnic», «Cerisy, 16 juillet 2003»), и концептуально сжатую, просодически заряженную⁷, резюмирующую формулировку сути той мысли, которую А. Ме-

⁶ Именно так переводит на русский язык исходное заглавие работы М. Хайдеггера «*Wa heißt Denken?*» (1951–1952) Э. Сагетдинов [Хайдеггер, 2006].

⁷ Аллитерации и ассонансы, а также графические рифмы («**p**our Eva» – «**p**our partager»; *pour, partager, plaisir, partir, poème; partager – plaisir – langage – partir; partager – penser – partir*), создающие специфическую ритмику высказывания, превратили центральную идею доклада, статьи и книги А. Мешонника о взаимосвязи **мышления** (*le penser*), **языка** (*le langage*) и **поэмы** (*le poème*) – или, иначе говоря, о взаимосвязи **логического осмысления бытия** и **языковой деятельности** и соответствующего **этико-эстетического переживания** – в плотный ступок того, что создатель «исторической антропологии языка» подразумевал под концеп-

шонник пытался донести до своих воображаемых и реальных собеседников во всех своих текстах и, в частности, в данной конкретной книге об отношении Хайдеггера к языку.

По-видимому, именно «безответность»⁸ этого тщетного – перед лицом лингвистов, философов, теоретиков литературы, и тем более социологов и прочих специалистов-гуманитариев, за редким исключением, каковым был для него, например, Эмиль Бенвенист, – стремления Мешонника «разделить удовольствие мыслить язык исходя из поэмы» и привела к настойчивому изложению и претворению в жизнь ряда постулатов *о соотношении языка, мышления и поэмы*, нашедших у него наиболее полное отражение в рекуррентной критике концепции Хайдеггера о поэзии и языке, в общем контексте экзистенциальной феноменологии последнего.

«Язык Хайдеггера» или «Язык-Хайдеггер»?

Каковы же претензии Анри Мешонника к философской позиции Мартина Хайдеггера?

В качестве отдельных иллюстраций (как правило, в виде отрицательных примеров) положения философии языка и поэтики М. Хайдеггера приводятся во многих работах А. Мешонника. Наиболее полным и систематическим трудом в этом отношении является вышеупомянутая книга «Язык Хайдеггера» [Meschonnic, 1990]. В первых же абзацах автором формулируется радикальное отличие замысла книги в сравнении с популярной на тот момент в университетской среде «игре в за и против Хайдеггера»:

Ce livre est autre chose qu'un livre de plus sur Heidegger. Sur un aspect de Heidegger, son rapport au langage, comme il y en a sur son rapport à Platon,

том *ФОРМА-СМЫСЛ (forme-sens)*, определяемым как «forme du langage dans un texte [...] spécifique de ce texte en tant que produit de l'homogénéité du dire et du vivre» («форма языка в тексте [...], являющаяся специфичной для данного текста как продукта однородности высказывания и жизни», пер. наш. – Э. Д.) [Meschonnic, 2003, p. 176].

⁸ В этой связи особенно красноречиво звучит заглавие другой книги А. Мешонника: *Pour la poétique V. Poésie sans réponse* (1978) – *К поэтике V. Поэзия без ответа*, или *К поэтике V. Безответная поэзия* [Meschonnic, 1978]. В ней, в частности, равно как и в случае книги «Язык Хайдеггера», присутствуют главы, посвященные проблеме «поэтизации философского дискурса», анализу соотношения «философии языка и поэзии», в данном случае у Л. Витгенштейна, о «месте поэзии в философии, и о месте философии в поэзии» («Le discours de la philosophie...» – «Дискурс философии...» [Ibid., p. 33–36], «Sur Wittgenstein, philosophie du langage et poésie» – «О Витгенштейне, философия языка и поэзия» [Ibid., p. 37–60], «Les silences de la philosophie devant la poésie» – «Умолчания философии перед поэзией» [Ibid., p. 61–77].

à la mystique, ou à l'art. C'est à travers Heidegger, une étude sur l'implication réciproque de la théorie du langage, du sujet, de l'histoire et de la littérature. La tenue mutuelle du langage, du poème, de l'éthique et du politique. Le défi que cette tenue porte à la philosophie. En ce sens, ce livre sort du jeu du pour ou du contre Heidegger. Jeu qui est même un des premiers objets de son analyse. De la critique.

Critique, au sens de *Critique du rythme*, d'où il prend son départ et son appui. Non comme une esthétique mais comme une poétique. Poétique du langage et de la société. Poétique des guerres du langage. Pour la poétique du sujet ordinaire dans un temps ordinaire et un langage ordinaire, le statut fait à la poésie dans le langage Heidegger est un danger mortel. Il faut apprendre à le voir⁹ [Meschonnic, 1990, p. 5].

Вместо написания «очередной книги о Хайдеггере» Мешонник задается целью прервать, так сказать, порочный круг комментаторской сансары в отношении немецкого философа, сделав предметом критического анализа саму «игру» подсчета аргументов «за и против» позиции Хайдеггера.

Свой труд о Хайдеггере Мешонник позиционирует как продолжение «анализа, который Адорно не провел в “Жаргоне аутентичности”, из-за своего стиля», как он полагает, «из-за своей концепции эссе» [Meschonnic, 1990, p. 6]. Критика же, считает Мешонник, «возможна только в и посредством обновленной теории языка». Французского мыслителя не удовлетворяет уже сама композиция книги Адорно: «l'affaire (le cas), l'effet, le langage» («дело (случай), эффект, язык»), поскольку, «en réalité, le langage y est partout» (поскольку, «на самом деле, язык здесь повсюду») [Ibid., p. 7].

Значительная часть книги Мешонника посвящена, как и у Адорно, анализу «дела» и «случая» Хайдеггера, под которыми подразумевается предполагаемая связь последнего с нацистами. С единственным отличием, заключающимся в особом внимании, уделяемом Мешонником вопросам языка в рамках учения Хайдеггера о бытии, а также в контек-

⁹ Эта книга есть не что иное, нежели еще одна книга о Хайдеггере. Об одном из аспектов Хайдеггера, его отношении к языку, подобно другим книгам, посвященным его отношению к Платону, к мистике или к искусству. Это – исследование, опосредованно через Хайдеггера, взаимной обусловленности теории языка, субъекта, истории и литературы. Взаимное сцепление языка, поэмы, этики и политики. Вызов, который это сцепление бросает философии. В этом смысле данная книга выходит из игры за и против Хайдеггера. Игры, которая как раз и является одним из первых предметов ее анализа. Критики.

Критики в смысле «Критики ритма», в которой она берет свой исток и опору. Не как эстетика, но как поэтика. Поэтика языка и общества. Поэтика языковых войн. Для поэтики обычного субъекта в обычное время и в обычном языке, статус, отведенный поэзии в языке Хайдеггера, представляет смертельную опасность. Нужно научиться это видеть.

сте его представлений о поэзии и сущности художественного творчества в целом.

Во второй части книги более специфически рассматриваются вопросы поэтики в рамках феноменологии Хайдеггера, в частности, в контексте его собственных поэтических опытов, а также по поводу его исследований поэзии Фридриха Хёльдерлина (1770–1843), которые Мешонник презрительно именуется не иначе как «l'opération Hölderlin» – «операция Хёльдерлин» [Ibid., p. 354].

Однако, несмотря на явную неприязнь и раздражение, которые Мешонник испытывает по отношению к своему коллеге-оппоненту, убежденно утверждая в главе «Heidegger devant un poème» («Хайдеггер перед поэмой» [Ibid., p. 364]), что «Хайдеггер не умеет *читать стихи*», «не видит поэмы», что для него природа поэзии сводится к тому, что «сущность бытия говорит о сущности поэзии в поэме» («L'essence de l'être parle de l'essence de la poésie dans un poème»; id.) и что в его философии отсутствует «поэтика философии» [Ibid., p. 7], следует отметить все же крайне неоднозначную, довольно высокую, оценку Мешонником степени цельности и внутренней связности представлений Хайдеггера, по сравнению с фрагментированной позицией его последователей:

En ce sens, Heidegger, qui n'a rien renié, et qui est donc intégralement responsable de lui-même, vaut mieux que ceux qui, marqués par lui dans leur écriture et leur pensée au point de le mimer encore quand ils croient être eux-mêmes, font le tri entre sa pensée et sa politique, et abandonnent cette dernière à sa défaite, pour sauver la pensée. Ils la fragmentent, puisqu'ils n'acceptent pas jusqu'au bout, tout en l'admettant par bribes quand même, l'identification que Heidegger postulait entre la pensée, sa pensée, et la langue allemande¹⁰ [Meschonnic, 1995, c. 166].

Вот это-то неправомерное, догматичное и, в конечном счете, «фашистское», в метафорическом смысле, отождествление Хайдеггером собственного языка и способа мышления с логикой немецкого языка в целом, а возможно, и языка вообще, является для Мешонника основным камнем преткновения в философии немецкого мыслителя-современника.

¹⁰ В этом смысле, Хайдеггер, который ни от чего не отрекся и который тем самым полностью за себя в ответе, стоит тех, кто, будучи отмечены им в своем письме и мышлении до той степени, что все еще продолжают ему подражать, тогда как считают себя самими собой, разграничивая его мысль и политику, отбрасывая при этом последнюю после ее поражения, чтобы спасти мысль. Они ее фрагментируют, поскольку, придерживаясь ее, тем не менее, по частям, не принимают до конца того отождествления, которое Хайдеггер постулировал в отношении мысли, своей мысли, и немецкого языка.

Мышление как «поэтика философии»

Поэтому и ответ Мешонника на свой же вопрос: «Да, что значит мыслить?» – в конечном счете, оказывается «отрицательным»:

Non, la pensée ne se confond pas avec les savoirs. Ni avec la philosophie. En ce qui me concerne, du moins. Pour deux raisons, qui se rejoignent. L'une, qu'il ne s'y agit pas de concepts mais de l'inséparation entre affect et concept; l'autre, parce que c'est l'accompagnement réflexif de la double pratique des poèmes, et du traduire. En quoi c'est une poétique de la vie, de l'inséparation entre vivre et le langage. Par là c'est aussi une critique de la philosophie autant que de la poésie et des sciences humaines, mais tout autant une poétique de la philosophie, que la philosophie ne fait pas ¹¹ [Meschonnic, 2005a].

Отвергая философскую систему Хайдеггера, Мешонник отказывается заодно от всей философии, поскольку она представляет собой, по мнению французского мыслителя, застывшие продукты мышления, во многом стереотипно воспроизводимые из поколения в поколение. Проводимое им противопоставление *поэтики философии* самой *философии* напоминает другую аналогичную оппозицию – *поэтика*, противопоставленная *литературе*, – сформулированную Мешонником ранее, в его первом основополагающем эссе, положившем начало целой серии сочинений с одним и тем же заглавием, но с разными порядковыми номерами, *Pour la poétique I* (1970) [Meschonnic, 2003]:

LITTÉRATURE. Produit de l'écriture ¹² lu et transformé dans et par l'idéologie ; ensemble des œuvres dans leurs rapports extratextuels ; ensemble des modèles extraits des œuvres et substitués aux textes. La littérature est un virtuel,

¹¹ Нет, мысль не смешивается со знаниями. Ни с философией. По меньшей мере в том, что касается меня. По двум причинам, которые соединяются одна с другой. Одна – это то, что речь идет не о концептах, а о нераздельности между аффектом и концептом; другая – потому что это рефлексивное сопровождение двойной практики поэм, и перевода. И в этом она является поэтикой жизни, нераздельностью между жизнью и языком. Тем самым это также и критика философии, равно как и поэзии и гуманитарных наук, но вместе с тем это и поэтика философии, которой философия собой не представляет.

¹² ÉCRITURE. Production, dans le langage, de formes-sens: un vivre-dire impliquant pour le je de l'écriture l'effet de l'écriture sur le je. Pratique matérialiste du langage, condition de la littérarité, elle est continue à la lecture [Meschonnic, 2003, p. 176] – *фр.* ПИСЬМО. Продукция, в языке, форм-смыслов: жизнеговорение, имплицитное для я письма воздействие письма на я. Материалистическая практика языка, условие литературности, продолжающаяся в чтении.

une forme de conscience (c'est-à-dire une idéologie) qui implique l'homme, et l'art¹³ [Ibid., p. 177].

POÉTIQUE (la, une). Étude de la littérature¹⁴ [Ibid., p. 174].

В определенном смысле «Язык Хайдеггера» А. Мешонника – это аналог энгельсовского «Анти-Дюринга», этакий своеобразный *Анти-Хайдеггер*. По значимости и по характеру обстоятельств, приведших как Энгельса, так и Мешонника, к идее написания этих двух в чем-то сопоставимых трудов, оба они стоят в одном и том же ряду.

Вместе с тем отдельный интерес представляет вопрос о том, в чем же причина парадоксальной привязанности, и, возможно, даже больше – любви-ненависти – А. Мешонника к М. Хайдеггеру, которого он неустанно цитировал почти в каждом из своих сочинений?

Причина, одновременно и острой неприязни А. Мешонника к М. Хайдеггеру, и очевидной навязчивости его постоянных размышлений над идеями, концепциями и логикой последнего имеют, скорее всего, неоднородный характер и как минимум тройственное происхождение.

Во-первых, в сложном отношении Мешонника к Хайдеггеру можно увидеть причину сугубо личного характера – психологический травматизм, пережитый автором в детстве в период оккупации Франции во время Второй мировой войны (А. Мешонник был так называемым «enfant caché», ребенком из еврейской семьи, которого укрывали от нацистов, зачастую выдавая за члена другой французской, не еврейской, семьи, с целью спасти от гибели, которая могла его настичь вследствие реализации гитлеровско-

¹³ *фр.* ЛИТЕРАТУРА. Продукт письма, прочитанный и трансформированный в и посредством идеологии; совокупность произведений в их внетекстовых отношениях; совокупность образцов, извлеченных из произведений и коими подменяются тексты. Литература – явление виртуальное, форма сознания (то есть определенная идеология), касающаяся человека, и искусства.

¹⁴ ЛИТÉРАРИТÉ. Spécificité de l'œuvre comme texte; ce qui le définit comme espace littéraire orienté, c'est-à-dire une configuration d'éléments réglée par les lois d'un système. S'oppose à la sous-littérature, espace littéraire non orienté; s'oppose au parler quotidien, espace entièrement ouvert, ambigu, puisque sa systématisation est indéfiniment remise en cause [Meschonnic, 2003, p. 174] – *фр.* Специфичность произведения как текста; то, что его определяет как ориентированное литературное пространство, то есть как конфигурацию элементов, управляемую законами определенной системы. Противостоит подлитературе, неориентированному литературному пространству; противостоит повседневной разговорной речи, полностью открытому, неоднозначному пространству, поскольку его систематизация бесконечно ставится под сомнение [Ibid., p. 174].

фр. ПОЭТИКА (вообще поэтика, отдельно взятая поэтика). Изучение литературности.

го плана по «окончательному решению еврейского вопроса»¹⁵). Активные дискуссии на тему неоднозначного отношения Хайдеггера к фашизму, развернувшиеся в связи со вскрытием новых фактов биографии немецкого философа в послевоенное время, должно быть, сыграли отчасти свою роль, оказав влияние на выбор Мешонником Хайдеггера в качестве объекта для критики уже на попрание лингвофилософского и лингвопоэтического анализа.

Во-вторых, для взаимоотношений Хайдеггера и Мешонника, с точки зрения их теоретических воззрений, актуальна известная закономерность: чем больше сходство, тем сильнее заметны различия и тем сильнее, соответственно, неприятие и отторжение. Действительно, Мешонник и сам охотно признает, что многие утверждения Хайдеггера обманчиво могут восприниматься как родственные тем, которые близки ему самому, например, такое высказывание Хайдеггера: «Parler la langue est tout à fait différent

¹⁵ Функционирование этого страшного эвфемизма в идеологическом дискурсе нацизма Анри Мешонник подробно анализирует в ответной статье [Meschonnic, 2005b] на статью Жака Себага [Sebag, 2005], опубликованных в газете «Le Monde» соответственно 19 февраля и 26 января 2005 г. Здесь, как и в случае с оценкой философско-поэтического наследия Мартина Хайдеггера, Мешонник занимает, на первый взгляд, крайне парадоксальную позицию, одновременно порицая и отвергая нацизм как идеологию геноцида, с одной стороны, но, с другой стороны, указывая на еще большее лицемерие тех, кто, отказываясь, как Ж. Себаг, употреблять слово *Холокост* на том основании, что этимологически оно означает «ритуальное сожжение жертвенного животного», оскорбительное для жертв еврейского геноцида и их потомков, тем не менее допускают использование другого, в той же мере неадекватного, по мнению Мешонника, древнееврейского термина *Шоа*, встречающегося в Библии в контексте исключительно природных катастроф, что также коннотативно отождествляет нацизм если не с приносящим жертву жрецом, то – еще хуже – с необоримой естественной силой природы и действием всесильного божественного промысла. Наиболее скандальным в этой статье явилось заявление Мешонника о том, что нацисты, с точки зрения непротиворечивости своих действий по отношению к развитому ими идеологическому дискурсу, были куда более последовательны и нелицемерны, чем те, кто пытаются сегодня чтить память жертв совершенного ими геноцида: «Les nazis avaient des raisons qui étaient propres à leur tactique pour recourir à une terminologie de masquage qui était en même temps explicite: “*solution finale*”, “*évacuation*” (pour déportation). Il n’y avait là rien d’innommable ou d’indicible. Tout était parfaitement nommé. Les états d’âme concernant la désignation sont apparus en 1944–1945, en même temps que le tabou qui rendait inaudibles les récits des témoins et survivants» – «У нацистов имелись свойственные их тактике причины, для того чтобы прибегнуть к маскировочной терминологии, которая была одновременно и эксплицитной: “окончательное решение”, “эвакуация” (о депортации). В этом не было ничего неподдающегося наименованию или невыразимого. Всё было вполне названо. Умонастроения относительно наименования возникли в 1944–1945 годах, в то же самое время, что и табу, сделавшее неслышными рассказы свидетелей и выживших» [Meschonnic, 2005b].

d'utiliser une langue. Le parler habituel ne fait qu'utiliser la langue – Die Sprache sprechen ist etwas völlig anderes als eine Sprache benutzen. Das gewöhnliche Sprechen benützt nur die Sprache»¹⁶ [Meschonnic, 2005a, p. 255]. Но тут же оговаривается: «Où la première proposition pouvait évoquer Benveniste. C'en est au contraire l'opposé même: par cette essentialisation originiste et sa notion du langage ordinaire»¹⁷ [Ibid., p. 255]. Кроме того, неугасающая и по сей день популярность экзистенциально-феноменологического учения Хайдеггера, в частности, в годы, к которым относится момент написания «Языка Хайдеггера» Мешонником – аналогично тому, как в свое время популярность «Диалектики природы» Эжена Дюринга среди сторонников марксизма не давала покоя Фридриху Энгельсу, – не могла, в свою очередь, не раздражать французского поэта.

Наконец, в-третьих, и Хайдеггер, и Мешонник, будучи, в сущности, мыслителями, оба претендовали на статус поэтов, причем поэтов, пытавшихся так или иначе воплотить в своем художественном творчестве концептуальные аспекты своих учений. Делали они это по-разному. Если Хайдеггер в большей части своих стихотворений¹⁸ отдавал предпочтение логическому изложению философских постулатов, то Мешонник, наоборот, видел в поэзии перспективу реформирования методологии философского познания, а именно в действенной, поэтико-рефлексивной форме пытался провести мысль о необходимости преобразования философии в «поэтику философии» как синонима осмысления жизни, в языке и посредством языка, в недрах поэтического творчества. Именно это различие явилось формальным камнем преткновения и конкретным выражением тех глубинных концептуальных, этических и, в конечном счете, идейных расхождений в мировоззренческих позициях этих двух величайших мыслителей-поэтов XX в., краткий анализ которых мы предприняли в настоящей статье.

¹⁶ Говорить на языке – совершенно иное, нежели использовать язык. Обычная разговорная речь только и делает, что использует язык.

¹⁷ Где первое предложение могло бы напомнить Бенвениста. На самом же деле, наоборот, утверждается прямо противоположное: посредством такой оригинистической эссенциализации и ее понятия об обыденном языке.

¹⁸ В работах Анри Мешонника имеются крайне немногочисленные (практически единичные) примеры анализа непосредственно стихотворений самого Хайдеггера, среди которых следует, в первую очередь, отметить «программное» «Sprache» (1972), опубликованное в «Denkerfahrten», с. 169 [Meschonnic, 1990, p. 351–352], которое Мешонник разгромно критикует, указывая на мнимость присутствующей здесь «поэтической интенции», «механическую просодию», «опустошенный язык, сигнал самого себя» [Ibid.]. Поэтому о характере основной массы стихотворного наследия Хайдеггера мы судим, в основном, по материалам прослушанного 8 октября 2015 г. доклада Н. М. Азаровой «Стихи Мартина Хайдеггера» [2015].

Список литературы

Азарова Н. М. Стихи Мартина Хайдеггера // Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние: Программа конференции / Институт языкознания РАН, Центр лингвистических исследований мировой поэзии, Институт философии РАН. М., 2015. С 5.

Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. Э. Сагетдинова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

Meschonnic H. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage. Éditions Verdier, 1982.

Meschonnic H. Le langage Heidegger. PUF, 1990.

Meschonnic H. Politique du rythme, politique du sujet. Éditions Verdier, Lagrasse, 1995.

Meschonnic H. Poétique du traduire. Éditions Verdier, 1999.

Meschonnic H. Oui, qu'appelle-t-on penser? // Henri Meschonnic, la pensée et le poème. Sous la dir. de G. Dessons, S. Martin et P. Michon. Cerisy-la-Salle, 12–19 juillet 2003. Éditions IN PRESS, 2005a. P. 251–266.

Meschonnic H. Pour en finir avec le mot «Shoah» // Le Monde. 19.02.2005b à 11h54. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2005/02/19/pour-en-finir-avec-le-mot-shoah-par-henri-meschonnic_398817_3232.html.

Meschonnic H. Pour la poétique I. Éditions Gallimard, 2003.

Meschonnic H. Pour la poétique V. Poésie sans réponse. Éditions Gallimard, 1978.

Sebag J. Pour en finir avec le mot Holocauste // Le Monde. 26.01.2005 à 13h29. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2005/01/26/pour-en-finir-avec-le-mot-holocauste-par-jacques-sebag_395676_3232.html.

Article metadata

Title: «Poetics of philosophy», or Henri Meschonnic's *Anti-Heidegger*

Author: E. A. Deyneka

Author's e-mail: edeyneka@laposte.net

Author affiliation: Université Paris 8 Vincennes – Saint-Denis

Abstract. The article presents an analysis of the reasons for the critical attitude of the French philologist, thinker and poet Henri Meschonnic to the philosophical and poetic heritage of Martin Heidegger. The conceptual objections to the philosophy of language of the latter, laid out by Meschonnic in his book *The Heidegger's language* (*Le langage Heidegger*, 1990), are considered in the context of his teaching as a whole, including his personal philosophical attitudes, biographical circumstances and provisions of his theory. The nature of the deep ethical and ideological contradictions that underlie the fundamental in-

compatibility of the philosophical-poetic discourses of the German philosopher-poet and the French poet-thinker are elucidated.

The Meschonnic's criticism of what he means by the term "Heideggerianism", defining it as a "cult of language", is primarily based on the anti-essentialist paradigm which assumes that such historically and anthropologically situated phenomena as language cannot and should not be viewed as a universalized transcendental entity. In particular, the non-distinction between language as system (*langue*), language as activity (*langage*) and language as speech (*parole*), in Saussurian sense, as well as gradual elimination of the notion of discourse (*discours*), in Benvenistian sense, followed by their unification by Heidegger in the single word *Sprache* (to the detriment of *Rede*), serve to Meschonnic as a mark of "fascist" vision of the language. Being considered as a defining property of the human being, the language, seen in such a way, becomes the crucial moment of poetry, arts, society and implies radically different poetics, aesthetics and anthropology.

Methodologically, Meschonnic adopts the Kantian critical attitude but, conceptually, rejects all post-Kantian ontology, and namely its Heideggerian version. Furthermore, the French scholar refuses to identify himself as a philosopher on the grounds that the philosophy as such is based on metaphysics and consists of an infinite series of various ontologizations. Instead of such a traditional Occidental philosophy, he suggests another approach, a kind of "poetics of thought". In our article, we discuss different theoretical and practical aspects of this original concept which involves a profound reflection on the relationship between language, thought and poetry. Using our private materials (an autographic inscription made by Henri Meschonnic on the first page of his book *Le langage Heidegger*) we try to understand and demonstrate the main principle of Meschonnic's "poetic philosophy": the "homogeneity of living and saying".

Key terms: Henri Meschonnic, Martin Heidegger, philosophy of language, poetics, philosophical discourse, poetic discourse.

Reference literature (in transliteration):

Azarova N. M. Stihy Martina Heideggera // Programma konferentsii "Poeticheskij i filozofskij diskursy: istoria vzaimodejstvija i sovremennoje sostojanie", Institut jazykoznanija RAN, Tsentr lingvisticheskikh issledovanij mirovoj poezii, Institut filosofii RAN. M., 2015, s. 5.

Heidegger M. Tchto zoviotsia myshleniem? / Perevod E. Sagetdinova. M.: Izdatelskij dom "Territoria budushchego", 2006.

Meschonnic H. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage. Éditions Verdier, 1982.

Meschonnic H. Le langage Heidegger. PUF, 1990.

Meschonnic H. Oui, qu'appelle-t-on penser? // Henri Meschonnic, la pensée et le poème. Sous la dir. de G. Dessons, S. Martin et P. Michon. Cerisy-la-Salle, 12–19 juillet 2003. Éditions IN PRESS, 2005. P. 251–266.

Meschonnic H. Poétique du traduire. Éditions Verdier, 1999.

Meschonnic H. Politique du rythme, politique du sujet. Éditions Verdier, Lagrasse, 1995.

Meschonnic H. Pour en finir avec le mot “Shoah” // Le Monde, 19.02.2005 à 11h54. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2005/02/19/pour-en-finir-avec-le-mot-shoah-par-henri-meschonnic_398817_3232.html.

Meschonnic H. Pour la poétique I. Éditions Gallimard, 2003 (1970).

Meschonnic H. Pour la poétique V. Poésie sans réponse. Éditions Gallimard, 1978.

Sebag J. Pour en finir avec le mot Holocauste // Le Monde, 26.01.2005 à 13h29. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2005/01/26/pour-en-finir-avec-le-mot-holocauste-par-jacques-sebag_395676_3232.html.